

ПОЭТИКА ПРОЗЫ В.В. РОЗАНОВА 1912–1915 гг.

Наследие В.В. Розанова (1856–1919) вызывает непрестанный интерес у представителей различных областей гуманитарного знания: филологов, философов, теологов. В. Розанов синтезирует в своем творчестве философские, религиозные, литературные искания. Его наследие, разнообразное по форме и содержанию, органично вписывается в русский национальный культурный контекст и является очевидно нетрадиционным, «преодолевающим» общепринятые нормы и стереотипы, что во многом определено конкретно-исторической ситуацией в культуре рубежа XIX–XX вв., появлением «нового» типа художественного сознания, которое, преломившись через индивидуально-авторское сознание Розанова, и обусловило особенности поэтики произведений «Уединённое» (1912), «Опавшие листья. Короб 1, 2» (1913–1915), «Мимолётное» (1915).

Объединяющим началом названных произведений становится «образ автора». Розанов-писатель вырабатывает в своем творчестве такую стратегию, при которой автор существует в нескольких ипостасях: «автор» в классическом понимании и «образ автора» – герой этих произведений, что, в свою очередь, определяет их поэтику.

Один из основных розановских принципов поэтики – принцип «уединенности в себе», возведение субъективного в разряд общезначимого, объективного. «Рукописность», «единственность» каждого творения непрестанно подчеркивается автором. Таким образом, произведение уподобляется письму, адресант которого одновременно является его адресатом: «Зачем? Кому нужно? Просто мне нужно. Ах, добрый читатель, я уже давно пишу «без читателя», – просто потому *нравится*»¹ (27). «Рукописность» произведений принципиально важна, так как именно она дает писателю возможность изменения парадигмы субъект – объект, абсолютизации субъективного. Розанов акцентирует внимание на том, что средоточием, объектом познания становится Душа, внутренняя жизнь личности, освобожденная от «всего постороннего», «...жизнь в быстротечном времени срывает с души нашей восклицания, вздохи, «полу-мысли», «полу-чувства», ...которые, будучи звуковыми обрывками, имеют ту значительность, что сошли прямо с души, без переработки, без цели, без преднамеренья... Просто, – душа живет ...то есть «жила», «дохнула» (27). Розанов принадлежит тому типу творческого философствования, в центре которого – Душа, являющаяся первоначалом жизни и ее сутью. Он совершает в своем творчестве ряд таких «мыслительных операций», в процессе фиксации которых переставляет акценты с объективной реальности на носителя этой реальности – душу. Таким образом писатель-философ протестует против рационализма новой европейской культуры.

Записать, зафиксировать «движения души», «нечаянные восклицания» – основная цель и одновременно средство создания розановских произведений. В этом он обращается к первоисточкам жизнедеятельности в культуре: «Всякое движение души у меня сопровождается *выговариванием*. И всякое выговаривание я хочу непременно *записать*. Это – инстинкт. Не из такого ли инстинкта родилась литература (письменная)? Литература родилась «про себя» (молча) и для себя; и уже потом стала печататься...» (57). Как отмечает Ж. Нива, «Розанов хотел бы быть писателем «до Гуттенберга»: ему ненавистна продажность купленной книги... Он тщательно выстраивает свои книги, ориентируясь на единственный критерий: верность настроению»². Розанова-писателя интересуют не сами идеи, не идеи как таковые, а, скорее, то смысловое пространство, в котором идеи зарождаются, разви-

¹ Здесь и далее цитирование по данному произведению с указанием страниц в тексте.

ваются, претерпевают изменения. «У меня с каждой зорькой новые взгляды», – утверждает писатель, стремящийся «уловить» мимолетное переживание, каждую «полу-мысль» и излить их на бумагу. Сам способ записывания этих «опавших листьев» (так писатель дает определение отрывкам, из которых состоит текст) актуализирует принцип субъективности и абсолютизации последней: все они располагаются-таки в некой последовательности, понятной только автору. Композиция становится характерной чертой поэтики прозы Розанова, стилиевой доминантой произведений. При этом в качестве стилиевой субдоминанты выступают авторские пометки в скобках, указывающие на время, место записывания той или иной мысли, на сопутствующее ее фиксации действие: «после исповеди, ночь; на обороте транспаранта; смотрю на танцы подростков; только что подали мне яичницу, и я взглянул в окно на весну». Они являются неотъемлемой частью художественного текста и подчеркивают самоценность мимолетного, повседневного, частного. Одинаковую ценность представляют собой будничные мелочи и космические темы: бытовые впечатления и философские суждения «соседствуют» на страницах произведений. Уравниваются любые «полу-мысли» и «полу-чувства», так как их ценность в том, что они суть «внутренние движения души».

Поэтика Розанова обусловлена особыми эстетическими принципами. Будучи литературным критиком, посвятившим ряд статей рассмотрению путей развития русской литературы (они составляют сборник «О писательстве и писателях»), Розанов приходит к выводу: «Не литература, а литературность ужасна; литературность души, литературность жизни... От этого после «золотых эпох» в литературе наступает всегда глубокое разложение всей жизни...»⁴. Своими произведениями Розанов бунтует против «писательства», которое есть создание определенной «модели мира». Считая, что литература должна «продолжать» жизнь, а не «моделировать» ее, Розанов стремится противопоставить «выдуманному миру» произведений свою субъективную правду. «Анархическое отношение ко всему решительно, полная неразбериха, только одного не могу – жить бессловесно, не могу перенести отлучения от слова. Такова приблизительно была духовная организация Розанова»⁵. Стремление Розанова к разрушению, «преодолению» стереотипов и традиций определяет жанрово-стилистические особенности его произведений. «Образ автора» – и это проецируется на современную писателю атмосферу в русской культуре начала XX в. – раскрывается как «психологическое состояние». Произведения Розанова, написанные прозой, принципиально лиричны. В этом писатель утверждает новые возможности для развития прозы, получившие дальнейшую реализацию в творчестве русских постмодернистов. Не случайно А. Синавский подчеркивает: «Замечательна лирическая тональность прозы Розанова, не просто «рассказ о себе», а непосредственное излияние собственного «я»⁶. В эссеистической манере, наиболее соответствующей писательской установке на раскрытие внутренней жизни «я», Розанов высказывает свои впечатления и суждения о различных аспектах жизнеустройства, нарочито противоречивые, демонстрирующие «разорванность» мышления, его хаотичную непосредственность. Жанр произведений Розанова, определенный им как «опавшие листья», сочетает в себе образность художественной прозы, субъективность и лиризм поэзии, философскую концентрацию мысли. В нем реализуется принцип непосредственной фиксации мыслительного процесса: «Именно и именно только «листья», «опавшие», «было» и нет более, «жило» и стало отжившим»⁷. Писатель стремится стереть грань между литературой и жизнью, утверждает самоценность одномоментного переживания, что находит свое выражение и на лексико-морфологическом стилиевом уровне в частом употреблении кратких форм прилагательных и причастий, имеющих семантическое значение признака, актуального в данный момент:

«Я **не нужен**: ни в чем я так **не уверен**, как в том, что я **не нужен**» (63); «Толстой был **гениален**, но **не умен**»⁸; «**Велик** горб человечества...»⁹; «Есть ведь и маленькие писатели, но совершенно **чистые**. Как они **счастливы**»¹⁰.

Принцип отрицания отражается на лексико-морфологическом уровне стиля в преобладании отрицательных частиц *не/ни* (или соответствующих префиксов), отрицательных местоимений и местоименных наречий: «**Не** додашь чего – и в душе тоска. Даже если **не** додашь подарок» (82); «Я **не** спорщик с Богом и **не** изменю Ему, когда он по молитве **не** дал мне «милости: я люблю Его, предан Ему. И что бы он ни делал – **не** скажу хулы...» (84); «**Никакого** интереса уж **не** разделит «друг» (96); «**Никогда, никогда не** порадует священный «плоду чрева». **Никогда**»¹¹. Этот же стилевой уровень актуален для раскрытия «психологического состояния», что проявляется в употреблении предикативных наречий и глаголов состояния: «Даже **не интересно**...»¹², «Послушайте: ведь чего я **боюсь**? «**Больно?** Нет. Т.е. «**больно** я страшно **боюсь**»¹³.

Принцип рукописности ярко выражен на уровне синтаксического и пунктуационного оформления текста. Характерным является употребление назывных и безличных конструкций, широкое использование вводных слов и предложений, «авторская» постановка знаков препинания (т.е. полный отказ от пунктуационных норм) как при оформлении внутренних диалогов, так и в сложных и осложненных предложениях. Особую роль играют кавычки, усиливая «устный характер розановского текста, придают всякому слову, мысли... эфемерную полноту мгновения»¹⁴. С помощью кавычек графически отражается и интонационная организация текста. Отметим, что графический уровень особенно актуален в «Мимолётном» – «не опубликованной книге» (Розанов принципиально не издавал это произведение). В «Мимолётном» появляются рисунки и надписи, сделанные рукой Розанова, что говорит о полном разрушении традиционных представлений о литературном произведении: фиксируются не только мысли, но и представления (вплоть до зрительных образов).

Конкретно-исторический тип художественного сознания рубежа XIX–XX вв., преломившись через индивидуальное сознание Розанова-писателя, и определяет основные особенности поэтики его прозы, заключающиеся в принципиальном отказе автора от традиций, сосредоточенности на внутренней жизни личности, стремлении к стиранию граней между литературой и жизнью.

¹ Розанов В. В. Уединённое // Розанов В. В. Сочинения. Л., 1990.

² Нива Ж. Розанов, русский «эгоист» // Нива Ж. Возвращение в Европу. М., 1999. С. 172.

³ Розанов В. В. Мимолётное. М., 1994. С. 67.

⁴ Розанов В. В. Опавшие листья // Розанов В. В. Указ. пр. С. 110.

⁵ Мандельштам О. Э. Слово и культура. М., 1987. С. 60.

⁶ Синявский А. Преодоление литературы // Наше наследие. 1989. № 1. С. 91.

⁷ Розанов В. В. Письма к Э. Ф. Голлербаху // Розанов В. В. Указ. пр. С. 548.

⁸ Розанов В. В. Опавшие листья // Розанов В. В. Там же. С. 115.

⁹ Там же. С. 132.

¹⁰ Там же. С. 169.

¹¹ Там же. С. 119.

¹² Там же. С. 137.

¹³ Розанов В. В. Мимолётное. М., 1994. С. 44.

¹⁴ Нива Ж. Розанов, русский «эгоист» // Нива Ж. Возвращение в Европу. М., 1999. С. 176.

Хаймович Марина Леонидовна – аспирантка кафедры русской литературы БГУ. Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент С. Ф. Кузьмина.